

А.В. Кабанов*

САМОРЕФЕРЕНТНОСТЬ ЗНАНИЯ В «СИЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ» СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

В статье анализируется такой аспект эпистемологической позиции «сильной программы» социологии знания, как самореферентность социального знания. Автор предпринимает попытку критически рассмотреть некоторые особенности реализма «сильной программы». Самореферентность знания вкупе со своеобразным социальным конструктивизмом в «сильной программе» предполагают соответствующую философию языка (в первую очередь – семантику) и концепцию интенциональности сознания, которым также уделено внимание в данной статье.

Ключевые слова: «сильная программа», социология знания, самореферентность знания, перформативность знания, социальное установление, теория значения, конструктивизм

Self-reference of knowledge in the strong programme of the sociology of knowledge. ALEXANDER V. KABANOV (Orel State University named after I.S. Turgenev)

The article deals with certain aspects of the epistemological position of the strong programme in the sociology of knowledge, namely social constructivism, self-reference of knowledge and nonetheless realistic stance towards the world. The very combination of constructivism (and self-reference for that matter) with realism is by no means frequent and deserves special argumentation. This is precisely what David Bloor and his colleagues try to do. His approach implies the analysis of some popular individualistic theories of meaning (and likewise theories of intentionality) and – by showing their inadequateness – suggests the social theory of meaning. The social semantics, from his point of view, implies self-reference of knowledge on the one hand, and a realistic position on the other. The implications of this position are analyzed in the article.

Keywords: strong programme, sociology of knowledge, self-reference of knowledge, performative knowledge, social institution, theory of meaning, constructivism

Современная социальная эпистемология, появившаяся в последней трети XX в., сразу стала респектабельной дисциплиной в англоязычных странах. Количество исследований в этой области философии увеличивается с каждым го-

дом. Существует также довольно много отечественных работ, в частности посвященных так называемой «сильной программе» социологии знания, среди них – работы Ю.С. Моркиной [3], И.Т. Касавина, Л.А. Микешинной и др. Тем

* КАБАНОВ Александр Валерьевич, аспирант кафедры философии, логики и методологии науки философского факультета Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

E-mail: 02081979.57@mail.ru

© Кабанов А.В., 2021

не менее, отдельные аспекты эпистемологии «сильной программы» все еще недостаточно осмыслены российскими философами. Между тем, на наш взгляд, именно своеобразный социальный конструктивизм вкупе с философией языка (точнее, теорией значения) позволяет прояснить многие положения Эдинбургской школы социологии научного знания. Цель данной статьи – реконструировать некоторые особенности (прежде всего – самореферентность) эпистемологической позиции Эдинбургской школы социологии научного знания.

Появление многочисленных школ социальной эпистемологии науки, социологии научного знания является закономерным следствием неклассического этапа развития самой науки, следствием переосмысления роли субъекта в эпистемическом процессе и, наконец, натурализацией философии науки. Напомним, что натурализация философии науки предполагает отказ от нормативных, прескриптивных моделей, характерных для позитивистских и постпозитивистских школ, основной акцент исследования при этом смещается на описание реального научного процесса (дескриптивизм) [10; 12].

По всей видимости, можно выделить три главные фигуры, так или иначе определившие лицо современной социальной эпистемологии в любой ее версии, будь то аналитическая социальная эпистемология, «сильная программа» Эдинбургской школы или же социальные исследования С. Фуллера, Э. Вулгара и Б. Латура [10; 12]. Это, конечно, поздний Людвиг Витгенштейн (в первую очередь, его «Философские исследования» и «О достоверности»), Уиллард ван Орман Куайн с проектом натуралистической эпистемологии (и сопутствующие ей проблемы недоопределенности данными теории, неопределенности перевода и т.д.) и Томас Кун с его «Структурой научных революций». Все последующие исследования в философии науки так или иначе отталкиваются от их идей, развивая их или оппонировав им.

Как известно, в рамках так называемой «сильной программы» социологии научного знания (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин и др.), в аналитической эпистемологии науки (А. Голдман, Ф. Китчер, И. Ниинилуото и др.), в акторно-сетевой теории Б. Латура и в ряде постмодернистских проектов именно социальное влияние на научное знание стало основным предметом исследований [10]. При этом, в отличие от традиционной социологии науки – со-

циологии науки Р. Мертона, в первую очередь, философы изучали не организацию научной деятельности или функционирование результатов науки в культуре, но самую форму и содержание научного знания как обусловленные соответствующими социальными структурами. Здесь следует отметить, что и сам Р. Мертон не был настолько наивен, как иногда его представляют. В своей ранней работе от 1938 г. «Наука, техника и английское общество в семнадцатом веке» он (явно в духе Макса Вебера) пишет о влиянии пуританских ценностей на зарождение и развитие классической науки [12]. То есть он вполне допускал влияние ненаучных факторов (конфессиональных, групповых интересов и т.д.) на научный процесс. Тем не менее, исследовать научный процесс и его результаты научными же методами он считал неприемлемым и ограничился перечислением известных четырех норм. В англоязычной литературе для обозначения этих норм, кстати, часто используется аббревиатура CUDOS (communism, universalism, disinterestedness, organized scepticism) [12].

Помимо философов на социальную эпистемологию науки оказывали влияние социологи: это уже упомянутый нами Р. Мертон, М. Малкей, Дж. Бернал, П. Бергер и Н. Лукман [3; 12]. В частности, социологи Бергер и Лукман являются социальными конструктивистами¹, поэтому их влияние на «сильную программу» социологии научного знания, которая в некоторых своих чертах является конструктивистской, довольно ощутимо. Для континентальной традиции, в отличие от англоязычной, также характерно влияние Франкфуртской школы социальных исследований (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и Ю. Хабермас).

Вообще, для конструктивистов характерен акцент на творческой природе научного познания – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях и, как следствие, недоверие к классической теории отражения (репрезентации), к классической (корреспондентной) теории истины и объективистским эпистемологическим моделям. При этом конструктивизм в принципе не предполагает антиреалистическую (идеалистическую) позицию. Так, Д. Блур (как и Б. Барнс) считает себя реалистом и пытается показать это в статье «Идеализм и социология знания» [8], на которую мы и будем опираться

¹ Иногда говорят о конструкционизме, а к конструктивистам относят только психологов.

в нашем анализе отдельных аспектов эпистемологии «сильной программы».

Как известно, основная программа Эдинбургской школы представлена в следующих работах: монографии «Знание и социальная образность» (1976) Д. Блура, его совместной с Б. Барнсом статье «Релятивизм, рационализм и социология знания» (1982) и ряде других статей [4; 5; 6]. Наконец, существенное значение имеет работа «Научное знание: социологический анализ» (1996) [7]. Именно в них формулируются основные методологические принципы (каузальности, рефлексивности, симметричности и эквивалентности) и общие положения так называемой «сильной программы» социологии научного знания.

По мысли представителей школы, все наше знание так или иначе социально. Первоначально аргументация Д. Блура в пользу этого следующая: верно, что ученые сталкиваются в исследованиях с реальностью, как и в повседневной жизни [8, р. 841]. И их органы чувств, перцептивный аппарат эту реальность фиксируют. Но сама по себе фиксация ощущений и восприятий еще не дает полноценной теории. Реальность как таковая недоопределена чувственными данными. Иными словами, Блур повторяет известный тезис Дюгема – Куайна. Но выводы из этого он делает более радикальные, чем В.О. Куайн. Одним из следствий, по мнению Блура, является то, что любой анализ знания должен предполагать наличие неких организующих принципов, не принадлежащих реальности как таковой. Далее, утверждает Д. Блур, необходимо исследовать культурную традицию, стили мышления, или, следуя куновской терминологии, парадигмы. Помимо этого, необходимо исследовать интересы и цели ученых. Следствием подобного анализа является тезис о том, что всякое научное знание с необходимостью социально.

Впоследствии Д. Блур и Б. Барнс сместят акцент в своих исследованиях: влияние интересов и стилей мышления ученых на знание уже не будет играть такую роль в работах представителей этой школы. Тем не менее, они останутся верны многим своим прежним выводам и будут защищать даже более сильное утверждение: научное знание – это социальное установление [8]. Естественно, напрашивается вопрос, что есть социальное установление? Как признает сам Блур, анализ этого концепта может только усилить обвинения «сильной программы» в

идеализме. Тем не менее, очевидно, что анализ понятия «социальное установление» необходим шотландскому исследователю для прояснения его позиции.

По словам Блура, социальное установление можно мыслить как реальность, которая создается при указании (референции) на нее. Или по-другому: установления существуют постольку, поскольку мы в них верим [8, р. 842]. К примеру, рассмотрим концепт «принадлежность к какой-либо группе». Мы можем утверждать, что кто-то является членом группы тогда и только тогда, когда его признают таковым другие участники группы. То есть в простейших случаях признание кого-либо членом группы есть необходимое и достаточное условие его принадлежности к этой группе. Иными словами, это своего рода самосбывающееся пророчество [8].

Вообще говоря, что мы знаем, когда говорим, что кто-то принадлежит к некой группе? Мы знаем его социальный статус. Социальный статус, в свою очередь, не является неким эмпирическим (физическим) качеством, внутренне присущему самому индивиду. Социальный статус – это скорее свойство, которое целиком зависит от других людей, точнее – от знания других людей. При этом знания других людей ровно того же типа, что и наше знание. То есть, мы все так или иначе обладаем знанием знания (осведомленности) других [8, р. 842].

Все эти соображения приводят к следующему выводу: когда мы рассматриваем группу в целом (а в данном случае это неизбежно), невозможно отделить субъекта от объекта познания. По словам Блура, в данном случае субъект и объект познания совпадают. При этом сама группа существует ровно постольку, поскольку мы продолжаем верить в ее существование. Как следствие, обвинения в идеализме неизбежны.

По мысли Блура, концепт «принадлежности к группе» далеко не единственный. В самом деле, при анализе таких понятий, как «брак», «деньги», «права», «обязанности», «собственность» и многих других мы приходим ровно к тем же выводам, что и в случае с «принадлежностью к группе». Вообще говоря, огромное множество социальных понятий относится к одному и тому же типу. Реальность, соответствующая такого рода понятиям, создается нашими же убеждениями и указанием (референцией) на эту реальность. Или, другими словами, эти понятия самореферентны.

Что, собственно, это может означать? На первый взгляд, это должно означать следующее: социальные установления самореферентны, а социальное знание так или иначе предполагает соответствующий понятийно-категориальный аппарат. В свою очередь, основу понятийно-категориального аппарата составляют социальные установления, которые самореферентны. Отсюда с необходимостью следует, что социальное знание должно быть самореферентным. Получается, что используемые нами слова указывают на другие слова, а не на внешнюю, независимую от наблюдателя реальность, и, следовательно, все обвинения в идеализме справедливы. Как остроумно замечает сам шотландский философ, это может напомнить сказку Г.Х. Андерсена о «голом короле». Так называемое «платье короля» существовало лишь на словах и, быть может, в головах подданных и самого короля [8]. В действительности, однако, ситуация, по мнению Блур, иная.

Очевидно, что понятия, указывающие на социальную реальность, функционируют не так, как обычные понятия. По признанию самого Д. Блур, они свидетельствуют об «интригующих структурных чертах самих социальных установлений», но еще не свидетельствуют об идеализме [8, р. 843]. Более того, все наше знание, а вовсе не только социальное, является социальным установлением (институтом). При этом, подчеркивает Блур, его позиция вполне реалистическая.

Для прояснения своей мысли Блур предлагает проделать две вещи: вкратце рассмотреть индивидуалистические (интенционалистские или каузальные) теории значения и, в качестве мысленного эксперимента, «стереть» любые социальные аспекты (все социальное) из этих теорий и соответствующих им теорий сознания.

Вообще говоря, теории значения в большинстве своем являются несоциальными. То есть при объяснении значения (референции) основная роль отводится индивидуальному сознанию. Предположительно, роль социальных факторов не считается принципиально важной. Или, точнее говоря, все социальные факторы являются случайными. Иными словами, в некотором возможном мире возможно объяснение всех семантических аспектов значения без обращения к социальным факторам.

К числу наиболее разработанных теорий принадлежат каузальная теория репрезентации (и ее многочисленные разновидности) и

теория концептуальной семантики [1; 2; 14]. Очевидно, все это теории, которые появились вследствие когнитивных исследований последних десятилетий XX в. И, как следствие, эти теории значения, в отличие, например, от логико-философских или лингвистических теорий, предполагают соответствующие теории сознания [1; 2; 13].

В самом общем виде, согласно когнитивным теориям, процесс указания происходит благодаря нейрофизиологическим (нейропсихологическим) механизмам – механизмам сопоставления представленного образца с неким внутренним эталонным (первичным, представленным ранее) образцом [8]. К примеру, мы, предположительно, способны применить термин «собака» при виде собаки на том основании, что соответствующий зрительный образ сравнивается с некоторым внутренним образцом, который, в свою очередь, ассоциируется с соответствующим словом «собака». Блур подчеркивает, что он намеренно упрощает процесс, описываемый теорией. Тем более он не использует соответствующую терминологию. Но, по его мысли, это не должно затронуть его аргументацию.

Представим себе процесс обучения слову. Некоторый образец представлен перед неким носителем языка и именуется определенным термином. Предположительно, на его основе формируется некий паттерн, на основе которого в каждом новом случае видения образца активизируется некоторый психофизиологический механизм в мозге. Этот механизм сам по себе необходим и достаточен, по мнению представителей каузального (как, впрочем, и интенционального) подхода, чтобы автоматически вызвать впоследствии в сознании необходимое слово.

Что, собственно, здесь не устраивает Дэвида Блур? Дело в том, что, когда некоторые образцы представлены многим людям, реакция на них впоследствии будет различаться. Это неизбежно, коль скоро индивидуальное сознание, так или иначе, предполагает индивидуальные паттерны – речевого, и даже шире, когнитивного поведения. То есть, даже если попытаться найти образец, приблизительно одинаковый для всех носителей *данного* языка, мы неизбежно столкнемся с различиями. По-видимому, верно даже более сильное утверждение: индивидуальные образы (паттерны) у *разных* носителей языка необходимо *различны*. При этом, пред-

положительно, внутренние образы не могут корректироваться извне (то есть мы не можем апеллировать к социуму), коль скоро, согласно индивидуалистическим теориям, психофизиологический механизм мозга всецело самодостаточен. Отсюда, по мысли Барнса, непонимание и, более того, невозможность коммуникации – необходимое следствие из несоциальных теорий значения и интенциональности.

Иными словами, непонимание – вовсе не случайный факт. Скорее, наоборот, отсутствие самого факта непонимания едва ли объяснимо. Функция социализации, в самом широком смысле слова, предполагает критерий, не зависящий в большинстве случаев от индивидуального сознания. А при отсутствии этого критерия неизбежно кто-то начнет указывать на собаку при виде кота, или, наоборот, не узнавать собаку перед собственными глазами.

В более общем виде эту мысль Блура можно было бы сформулировать следующим образом: любое усвоение значений слов (и даже шире – любое владение языком) предполагает социальный аспект. Или, говоря экзистенциалистским языком, можно было бы утверждать, что усвоение значения слова (и языка в целом) предполагает Другого. И постановка этой проблемы вовсе не нова. Так, у Витгенштейна, влияние которого на Блура несомненно, эта проблема формулируется как «проблема индивидуального языка» [9]. И для Витгенштейна, как и для Блура, индивидуальный язык невозможен. Здесь следует отметить, что функция общественного образования, вообще говоря, и состоит в обеспечении некоторого коллективного образца для *всех* носителей языка и, что более важно, *нормативного* компонента языка.

Но что, собственно, предлагает сам Блур? Социальную теорию значения (референции) и обязательность социального компонента и в усвоении и, как следствие, в использовании языка, – в коммуникации, в чем и заключается основная функция любого языка. Социальную теорию значения Блура / Барнса можно представить несколькими пунктами:

1. Все будущие применения терминов неопределенны [7, р. 55]. Не существует никакого алгоритма в настоящем, который бы фиксировал заранее все будущие применения термина. Иными словами, научный (или же любой когнитивный) процесс – это открытый процесс, и, как следствие, все будущие применения терминов неопределенны.

2. Ни один акт применения термина не является абсолютно правильным.

3. Все результаты актов применения терминов могут быть пересмотрены [7, р. 57]. По существу, этот пункт – следствие из предыдущего. Из возможности ошибки исследователей следует возможность пересмотра предыдущих решений.

4. Применение термина не является изолированным процессом [7, р. 57].

5. Применения *разных* терминов естественных родов зависят друг от друга. Каждое компетентное применение термина предполагает знакомство со всей системой классификации, а любая система, тем более языковая и социальная, не может быть изолированной по самой своей сути. Строго говоря, эта программа была сформулирована не в этой статье, а в совместной с Барнсом работе «Наука и научное знание» [7] и в более ранних статьях Барнса [5; 6], но это не меняет сути дела, поскольку именно ее (программу) он имеет в виду в своей статье «Идеализм и социология знания».

Наконец, социальная (в другой терминологии – «финитистская») теория значения должна быть дополнена соответствующим социальным компонентом. То есть, по словам Блура, акцент при анализе интенциональности как когнитивного процесса должен быть смещен с индивидуальных, психологических и биологических процессов на процессы социальные [8, р. 848]. Последний аспект особенно важен, коль скоро все индивидуалистические модели интенциональности и, как следствие, индивидуалистические теории значения не в состоянии объяснить нормативный компонент языка.

Идея Барнса состоит в следующем: нормативность языка основывается на консенсусе – согласии носителей языка. Консенсус, необходимый для нормативных стандартов, сам имеет самореферентную структуру. Как утверждает философ, консенсус не является просто статистическим свойством некоторого множества независимых высказываний [8, р. 848].

В самом общем виде самореферентный процесс при консенсусе можно представить следующим образом: я называю что-то правильным, если (и потому что) и другие называют это правильным [8, р. 848]. Консенсус создается и поддерживается в процессе коммуникации и сам является частью коммуникативного процесса. При этом консенсус сам имеет нормативный характер; достижение консенсуса определяет

своего рода стандарт для коммуникации таким образом, что любое отклонение от него воспринимается как «неправильное», а не просто «необычное». С другой стороны, консенсус как нормативный стандарт является основообразующим для интенциональности и значения (для овладения языком в целом), коль скоро Блур вместе с Витгенштейном полагает, что индивидуальный язык невозможен.

Таким образом, аргументацию Блура можно рассматривать как косвенное доказательство социального характера интенциональности и значения. То есть, если нет группы (социума), то нет консенсуса; нет консенсуса – нет нормативного элемента; нет нормативного элемента – нет значения. Следовательно, если нет группы (социума), то нет и значения. Но значение есть, коль скоро все мы общаемся и понимаем друг друга, и, следовательно, анализ значения и интенциональности необходимо начинать именно с групп. По словам Блура, внутренне присущая интенциональность есть свойство социальных групп, а не индивидуальной психики со всей ее эволюционной историей и каузальными отношениями с окружающим миром [8, р. 848]. Следует подчеркнуть, что Дэвид Блур вовсе не отрицает важность индивидуальной психики. Он лишь утверждает, что индивидуалистический подход в принципе не достаточен для объяснения значения и интенциональности.

Здесь уместно обратиться к работе Джона Сёрля «Социальное конструирование реальности» [15], на которую, в частности, опирается и с которой полемизирует Блур. В ней представлен подробный анализ социальных понятий и построена их иерархия. В самом начале иерархии – физические и ментальные факты. Ментальные факты, по мысли Сёрля, являются также физическими (Сёрль не разделяет картезианский дуализм), но имеют свою специфику. Далее, ментальные интенциональные индивидуальные (не предполагающие другие сознания) факты, коллективные интенциональные факты, факты функциональные разных типов – агентивные, каузальные и т.д. И, наконец, на самом вершине иерархии – факты, предполагающие приписывание статусной функции, – это и деньги, и перформативные высказывания, и многие высказывания, предполагающие определенный контекст [15]. Именно они самореферентны, и именно их анализировал Блур. Но вот что важно: у Джона Сёрля в самой основе – физическая реальность (brute facts), как и Блур, он считает

себя реалистом, но подход к интенциональности у него иной.

Для Сёрля принципиально важна индивидуальность психики. «Интенциональность, как индивидуальная, так и коллективная, в моей голове» [8, р. 850]. Как следствие, Сёрль не может принять финитистский подход к значению. Концепты, по мысли Сёрля, могут быть социальными и несоциальными, определение их нередко конвенционально, но как только мы определили концепты, соответствие или же их несоответствие миру от нас далее не зависит [15; 16]. Для Блура же принципиально важна нестрогая фиксация концептов, или, в терминологии Крипке, концепты (или термины) – не жесткие десигнаторы [1; 2; 13].

По-видимому, спор Блура – Сёрля – это спор о первичности биологического или социального. С одной стороны, аргументы Блура довольно убедительны. С другой стороны, исследования нейробиологов (зона Брока, Вернике и т.д.), исследования афазий, наконец, результаты Хомского (хотя Сёрль с ним во многом не согласен) свидетельствуют и о справедливости представлений Сёрля, то есть о важности именно эволюционной истории психики (и мозга). На первый взгляд, соотношение биологического и социального похоже, используя компьютерную метафору, на соотношение hardware – software (жесткий диск – программное обеспечение). Но очевидно, что только результаты эмпирических исследований помогут поставить точку в этом вопросе.

Между тем Сёрль нам интересен еще в одном аспекте. А именно нам важна реалистическая позиция последнего, которая практически совпадает с позицией Блура. В первую очередь, Джон Сёрль предлагает отделить реализм как онтологическую доктрину от всех других доктрин. Реализм, а точнее экстерналистский реализм, – это доктрина, которая утверждает существование мира, независимого от всех человеческих репрезентаций [15]. То есть, реализм не является ни теорией языка, ни теорией истины и не предполагает какой-то эпистемологической позиции. В частности, реализм совместим с концептуальным релятивизмом, который, судя по всему, он разделяет вместе с Блуром. В самом деле, познание всегда, так или иначе, релятивизировано – к концептуальной схеме, к выразительным средствам и т.д. Но все это несколько не затрагивает реализм как онтологическую доктрину. Можно заблуждаться в

том, каков мир есть; но даже заблуждения предполагают его (мира) наличие.

По мнению Сёрля, существование мира есть пресуппозиция любой коммуникации. Пресуппозиция, согласно Питеру Стросону (именно ему принадлежит авторство данного термина), – не следствие какого-либо высказывания, а условие его осмысленности, и, следовательно, наличия у этого высказывания истинностной оценки [11; 14]. Так, предложение «На Эвересте есть снег» как предложение публичного (неиндивидуального) языка предполагает, помимо многих других пресуппозиций, наличие публично доступной реальности [15]. В противном случае факт понимания предложения будет просто необъясним.

Сёрль эту пресуппозицию называет «фоном» (background) [15; 16]. Фон у Сёрля помимо пресуппозиции реальности включает в себя целый комплекс других пресуппозиций – культурные и исторические особенности восприятия и интерпретации предложений и т.д. Судя по всему, фон должен формироваться в процессе социализации (и ориентации в мире). И именно ее же использует Блур. Фон Блура (хоть он и не использует этот термин) – это та же пресуппозиция независимой от наблюдателя реальности и особенности восприятия и интерпретации. Блура интересуют в первую очередь высказывания с социальными фактами, и там все пресуппозиции особенно очевидны. Так, предложение «У Джонса есть дом» предполагает социальный факт «собственность», который не может быть локализован в чьей-то одной голове. Владение собственностью предполагает наличие прав, обязательств и, конечно, других людей. Или по-другому: владение собственностью имеет пресуппозицию (или фон) существования людей и, как следствие, существования внешнего мира.

Предположительно, по мысли Блура, косвенное доказательство социальной интенциональности и значения, и пресуппозиции любого языка предполагают реализм, и именно поэтому проект «сильной программы» не является идеалистическим. По словам шотландского философа, индивидуалистам сложно осознать тот факт, что мы познаем мир не вопреки социуму и социальному влиянию, а ровно наоборот. Только благодаря социуму мы в состоянии познавать этот мир.

В заключение следует отметить, что представление о знании как социальном установ-

лении неоднозначно и может подвергаться критике, что и происходило многократно. Так, к примеру, социальность языка едва ли не трюизм. Однако далеко не очевидно, насколько из социальности языка и социальности его усвоения следует самореферентность знания. Насколько самореферентность социальных понятий («брак», «право» и т.д.), которая, конечно, не вызывает сомнений, можно переносить на другие понятия (например, вода, лес, и т.д.)? Очевидно, что они функционируют в языке отлично от социальных. Далее, Блур и Барнс сместили акцент исследований интересов ученых в формировании знания, но не отказались от них. Тогда какова роль интересов ученых в его концепции самореферентного знания? Тем не менее, нельзя не признать оригинальность проекта. И очевидно, что исследования Блура – Барнса существенно обогащают наше понятие знания и, по словам Ю.С. Моркиной [3], придат ему новые аналитические ракурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
2. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.
3. Моркина Ю.С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
4. Barnes, B., 2011. Essentialisms in the sciences. *Critical Quarterly*, Vol. 53, no. 4, pp. 90–102.
5. Barnes, B., 1982. On the extensions of concepts and the growth of knowledge. *Sociological Review*, Vol. 30, no. 1, pp. 23–44.
6. Barnes, B. 1983. Social life as bootstrapped induction. *Sociology*, Vol. 17, no. 4, pp. 524–545.
7. Barnes, B. Bloor, D. and Henry, J., 1996. *Scientific knowledge: a sociological analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Bloor, D., 1996. Idealism and the sociology of knowledge. *Social Studies of Science*, Vol. 26, no. 4, pp. 839–856.
9. Bloor, D., 1997. *Wittgenstein, rules and institutions*. London: Routledge.
10. Bucchi, M., 2004. *Science in society. An introduction to social studies of science*. London: Routledge.
11. Bradley, R. and Swartz, N., 1979. *Possible worlds: An introduction to logic and its philosophy*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
12. Collin, F., 2011. *Science studies as naturalized philosophy*. Dordrecht: Springer.

13. Grayling, A.C., 1990. An introduction to philosophical logic. London: Gerald Duckworth and Co.

14. Kemp, G., 2013. What is this thing called philosophy of language. New York: Routledge.

15. Searle, J.R., 1995. The construction of social reality. New York: Free Press.

16. Searle, J., 1999. Mind, language and society: philosophy in the real world. New York: Basic Books.

REFERENCES

1. Lebedev, M.V., 2008. Stabil'nost' yazykovogo znacheniya [Stability of language meaning]. Moskva: Izdatel'stvo LKI. (in Russ.)

2. Lebedev, M.V. and Chernyak, A.Z., 2001. Ontologicheskie problemy referentsii [The ontological problems of reference]. Moskva: Praksis. (in Russ.)

3. Morkina, Yu.S., 2011. Sotsial'naya teoriya poznaniya D. Blura: istoki i filosofskii smysl [Social epistemology by David Bloor: origins and philosophical meaning.]. Moskva: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (in Russ.)

4. Barnes, B., 2011. Essentialisms in the sciences. Critical Quarterly, Vol. 53, no. 4, pp. 90–102.

5. Barnes, B., 1982. On the extensions of concepts and the growth of knowledge. Sociological Review, Vol. 30, no. 1, pp. 23–44.

6. Barnes, B. 1983. Social life as bootstrapped induction. Sociology, Vol. 17, no. 4, pp. 524–545.

7. Barnes, B. Bloor, D. and Henry, J., 1996. Scientific knowledge: a sociological analysis. Chicago: University of Chicago Press.

8. Bloor, D., 1996. Idealism and the sociology of knowledge. Social Studies of Science, Vol. 26, no. 4, pp. 839–856.

9. Bloor, D., 1997. Wittgenstein, rules and institutions. London: Routledge.

10. Bucchi, M., 2004. Science in society. An introduction to social studies of science. London: Routledge.

11. Bradley, R. and Swartz, N., 1979. Possible worlds: An introduction to logic and its philosophy. Indianapolis: Hackett Publishing Company.

12. Collin, F., 2011. Science studies as naturalized philosophy. Dordrecht: Springer.

13. Grayling, A.C., 1990. An introduction to philosophical logic. London: Gerald Duckworth and Co.

14. Kemp, G., 2013. What is this thing called philosophy of language. New York: Routledge.

15. Searle, J.R., 1995. The construction of social reality. New York: Free Press.

16. Searle, J., 1999. Mind, language and society: philosophy in the real world. New York: Basic Books.

